

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

УДК 347.92

**МУСИЕНКО ТАМАРА ВИКТОРОВНА,
ЛУКИН ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ**

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И РИСКИ СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

АННОТАЦИЯ

Раскрыто основное содержание стратегической культуры, использование в формировании надлежащей идентичности; негативное влияние англосаксонской стратегической культуры на процессы национальной идентификации и на безопасность и степень суверенитета государств и регионов.

Ключевые слова: стратегическая культура; культурализм; идентичность, идентификация; суверенитет; риски; политика; безопасность; «турбулентный мир».

**MUSIENKO T.V.,
LUKIN V. N.**

STRATEGIC CULTURE AND RISKS OF IDENTITY PRESERVATION

АБСТРАКТ

The main content of the strategic culture, use in the formation of a proper identity is revealed; The negative impact of the Anglo-Saxon strategic culture on the processes of national identification and on the security and degree of sovereignty of states and regions.

Keywords: strategic culture; culturalism; identity, identification; sovereignty; risks; policy; security; «Turbulent world».

С началом XXI века внимание ученых вновь привлекла проблема стратегической культуры, в контексте которой осмысливается роль и значение политической культуры, национальной идентичности в сохранении суверенных прав государств или союзов государств.

Особую актуальность приобрела эта тема в связи с эффективным использованием США, западноевропейскими государствами всего арсенала стратегической культуры, направленного на изменение национальных стратегических культур и идентичностей в ряде стран Восточной Европы, Азии, Африки как способа ведения современной войны и отстаивания суверенитета в англо-саксонском понимании.

Для большинства работ, посвященных стратегической культуре, характерна общая позиция признания несомненного её значения для понимания и стратегического прогнозирования ключевых проблем и основных направлений сохранения или нивелирования идентичности, совершенствования политики в сфере международных отношений в целях эффективного решения возникающих угроз и снижения рисков сохранения суверенитета или определения его границ [см., напр., 1; 2, С. 25–27; 3, С. 197–221; 4, С. 19–28; 5, С. 261–268; 6, С. 21–26; 7, С.91–102; 8, С. 41– 47; 9].

Классическое определение стратегической культуры дано Джеком Снайдером (J. L. Snyder) в 1977 году: «Стратегическая культура может быть

определена как совокупность идей, обусловленных ими эмоциональных состояний, а также паттернов стандартного поведения, которые члены сообщества, являющиеся носителями национальной стратегической культуры, приобретают в процессе обучения или его аналогов и обмениваются ими в связи с определением соответствующей стратегии. В том, что касается стратегии, стандартное поведение в этом смысле рассматривается прежде всего как осознанное (когнитивное) поведение» [10, P.8; 11, P. 3–9; 12, С. 118–135].

Согласно теории стратегической культуры рациональные действия государственных акторов детерминированы культурной составляющей. Так, американский исследователь Дженни Джонсон (J. Johnson) обосновывает необходимость гибкого подхода в оценке факторов стратегической культуры и допущение о совокупности объективных и субъективных факторов ее изменения, включая национальную культуру как значимую переменную для анализа решений, принимаемых в сфере суверенитета и внешней политики.

«Политические приоритеты элит и их решения определяются национальной культурой, политическим процессом и организационной культурой, обусловлены материальными возможностями, ингибируются (ограничиваются), либо напротив продвигаются внешними политическими акторами. Но представители элиты могут включать в повестку дня и политического курса вопросы, направленные против норм и ценностей национальной культуры (разработанные фактически с позиций контркультуры, как в случае обоснования преимуществ США в возможности упреждающего применения силы) и продавливать принятие соответствующих пунктов, даже не взирая на сопротивление, связанное с действием механизмов традиционной стратегической культуры [13, P. 3, 8].

Стратегическая культура является, по мнению британского ученого К. Грея (Colin S.Gray), «полезным инструментом понимания самих себя, других и того, как эти другие видят нас». Он исходит из положения о взаимосвязи культуры, стратегической культуры, стратегической истории и геополитики, что в свою очередь определяет содержание собственно реальной политики.

Грей считает, что это должно предполагать гибкость в выборе методов и средств влияния. Поли-

тическое видение или политический менталитет Грей рассматривает как производную культуры в целом, и стратегической культуры, в частности. Именно культура определяет видение и понимание норм общего блага, качества жизни, безопасности и суверенитета конкретного сообщества.

В свою очередь, политическое видение определяет политику и ее возможности реализации этих общенациональных стандартов и норм с учетом реалий и ограничений, определяемых особенностями мироустройства, включая мировую политику. Соответственно, подчеркивает Грей, именно культура с большей вероятностью имеет приоритет, преобладает, а порой и господствует в управлении и политике, поскольку она находит воплощение в ментальности, оценочных суждениях и установках настолько, что никто не может препятствовать или блокировать ее влияние. С этим связано значение исследования культуры, политической культуры и собственно анализа стратегической культуры для понимания ее влияния на идентичность и сути современной политики [14, P. 1– 30].

Таким образом, К. Грей интерпретацию смыслов и значений исторического опыта осуществляет на основе культурологического подхода, соответствующей концепции культуры, а также концепции исторического нарратива.

Лоренс Фридман (L. Freedman) понимает нарратив как исторические сюжетные линии, имеющие целью убеждение людей в той или иной интерпретации и объяснении событий, из которых возможно сделать определенные выводы.

Нарративы, связанные с историческими событиями прошлого, по Фридману, создаются или передаются через систему образования и воспитания с целью структурировать у других людей определенную ответную реакцию на события настоящего. Нарративы имеют стратегическую природу, именно поэтому они не возникают спонтанно, отмечено у Фридмана, нарративы осознанно и обдуманно конструируются, либо в них могут быть заимствованы уже существующие идеи, которые развиваются и усиливаются в той или иной степени [15, P. 22].

Г. Экстейн (H. Eckstein), еще в восьмидесятые годы динамику социальных изменений и связанных с ними модификаций в сфере культуры усматривал в самой направленности культурализма на осмысление политического континуитета,

то есть целостности и стабильности как нормального состояния общества.

Основу такого подхода, по мнению Г. Экстейна, составляют четыре фундаментальных постулата культурализма: об ориентированности действия; об изменчивости, неустойчивом и непостоянном характере ориентаций; о культурной социализации; о кумулятивной социализации [16, P.790–792].

Особое внимание вызывает постулат о кумулятивной социализации. Раскрывая суть культуралистического подхода к пониманию динамики процесса социализации личности, теоретик подчеркивает важность ранней социализации как своеобразного фильтра, когда содержание и характер ранней социализации обуславливают последующий процесс социализации таким образом, что их коррекция крайне затруднена.

Во-вторых, тенденция к оформлению всего набора полученных в ходе обучения когнитивных, аффективных и эвалюативных ориентаций в некоторую стройную структурную целостность, чем и достигается определенный уровень согласованности диспозиций личности [16, P.791–792].

Изменения культуры и системы ориентаций Экстейн относит к процессам, обусловленным изменением ситуаций и объективных условий взаимодействия, когда человек постепенно проходит все ступени и институты социализации: вследствие процессов, происходящих в обществе и во внутренней политике государства; в результате внутренних социальных катаклизмов; в связи с привнесенными извне изменениями; как результат миграционных процессов и социальной мобильности и т. д.

Аарон Вилдавски (А. Wildavsky) в своей теории культуры утверждал, что культурной идентификации личности всегда предшествует конфликт культур, в результате которого и оформляется специфическое сочетание культурных компонентов, составляющих стержень культуры конкретной личности. Именно конфликт культур обеспечивает культурную идентификацию со смысловым значением, необходимым личности для своей идентификации и определения собственных предпочтений. Характерно, что предпочтения рассматриваются не как причина идентификации, а как ее следствие [17, P.593, 595].

Отечественные исследователи, в основном, ограничиваются анализом эволюции теории стратегической культуры.

Концепция стратегической культуры была сформулирована в рамках исследований проблем международной безопасности и стала одним из основных инструментов противостояния рискам и угрозам суверенитету и безопасности в целом.

Но в отечественной «Стратегии национальной безопасности», которая является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации в области сохранения суверенитета на основе равноправных международных отношений категория «стратегическая культура» не используется [см.: 18].

В отличие от российской Стратегии в Стратегии национальной безопасности США, подписанной президентом США 15 февраля 2015 года, было прямо заявлено: «Мы будем лидировать с позиции силы. Стратегический фундамент Америки прочен. Не существует замены американскому лидерству ни перед лицом агрессии, ни в вопросах всеобщих ценностей, ни в обеспечении более надежной безопасности самой Америки» [см.: 19]. Стратегическая культура обозначается в качестве одного из основных инструментов реализации американского глобального лидерства.

Большинство американских экспертов считает возможным и неоспоримым возвращение к однополярному миру под эгидой США в результате использования всех инструментов стратегической культуры в отношении национальных идентичностей. Еще более полувека назад А. Даллес считал возможным «перестроить» российскую идентичность через подмену истинных ценностей фальшивыми, культуры – масскультурой, создание хаоса и неразберихи в государственном управлении, возведение бюрократизма и волокиты в добродетель «с помощью единомышленников и помощников в самой России» [см.: 20].

Уже в XXI веке, согласно Збигневу Бжезинскому, в результате противодействия национальных стратегических культур «на фоне международной нестабильности и даже потенциально смертельной угрозы глобальному благополучию» наступит «продолжительный этап довольно хаотических перестановок глобальных и региональных сил, в которых проигравших будет гораздо больше, чем очевидных победителей» [см.: 21].

Американский политолог Ч. Купчан

(Ch. Kupchan) предлагает сценарий, который можно обозначить как сценарий «турбулентного мира»: ни государство, ни международная организация, ни межгосударственное объединение в одиночку не сможет и не будет осуществлять единоличное глобальное лидерство в XXI веке. В результате будет формироваться не система координации, но система конкуренции [см.: 22].

Стив Манн считает, что реакцией на мировую «турбулентность» может стать дальнейшее нарастание недоверия между ключевыми полюсами силы друг к другу и использование хаоса в качестве осмысленного орудия одного из полюсов, например, США [см.: 23].

На взгляд авторов, вполне закономерен начавшийся процесс выхода Великобритании из Европейского Союза. Это является свидетельством попытки двух англосаксонских государств через двойственный союз попытаться противостоять влиянию стратегических культур Европы, Китая и России [см.: 24].

Глобальный хаос, по мысли французского исследователя Ж. Аттали (J. Attali), может быть преодолен за счет формирования в мире системы «гипердемократии». В институциональном плане она может представлять собой «совокупность местных, национальных, континентальных и общемировых организаций, считающихся с мнением каждого человека». Это позволит избежать рисков и угроз глобальной турбулентности и вернуться к позитивной глобализации [25, С. 255].

Можно согласиться с Ж. Аттали, Дж. Фридманом [см.: 26] в том, что двигаться вперед, противостоять внешним и внутренним вызовам суверенным государствам невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения.

Человек и политические отношения, в которые он вступает в мире политики, – это микросистема, включающая в себя такие компоненты, как система мотивации (потребности) личности; система политических ориентаций (когнитивные, аффективные, эвалюативные, общие диспозиции) на микроуровне; система ценностных ориентаций (включая индивидуально значимые ценности, нормы, правила, паттерны политического действия) личности; соответствующие конкретной ситуации социополитического взаимодействия аттитуды (индивидуальные позиции), формы и виды политической

активности, а также другие структурные элементы субъективного микрополитического действия.

Содержание и качество социополитического действия и взаимодействия определяются в значительной мере характером политической и общенациональной культуры как системы ценностей, традиций, норм, принципов и стандартов социального действия, символов и их общих смысловых значений.

Фактор культуры, а также определяемая культурой структура идентичности и тип идентификации, доминирующий в обществе, являются определяющими в социально-экономическом развитии государства, степени его геополитического влияния и суверенитета.

Существенные ограничения суверенитета государств в Европейском Союзе, Молдавии Грузии, Украине, полная потеря его в ряде стран Северной Африки и на Ближнем Востоке в результате воздействия атлантической стратегической культуры на их национальные идентичности очевидны. Очередным объектом атаки избрана Сирийская Арабская Республика. В апрельские дни 2017 года вновь зазвучали обвинения в адрес правительства Б. Асада в «применении химического оружия, начиная с 2015 года», которое под строгим международным контролем было вывезено и уничтожено еще несколько лет назад. Повторяются эти бездоказательные обвинения и в ноябрьские дни 2017 года на Генеральной Ассамблее ООН. Полным ходом идет подготовка к «белорусскому майдану».

Подвергается рискам и российская идентичность. В средствах массовой информации зарубежных стран мартовские антикоррупционные демонстрации в России и реакция государства вызвали соответствующий комментарий министра иностранных дел С. Лаврова: «Когда одни и те же события вызывают разную реакцию, наверное, опять приходят на ум те самые пресловутые двойные стандарты. Я не помню, чтобы кто-то очень сильно переживал, по крайней мере публично, по поводу тех решений, которые были приняты не так давно в Германии, Нидерландах, Австрии, власти которых просто запретили проводить определенные митинги» [27].

Президент Российской Федерации В. В. Путин выделил следующие риски российской идентичности.

Во-первых, – это объективное влияние, по сути, давление глобализации на национальную идентичность России и других стран.

Национальную идентичность России и других стран может сохранить укрепление института международного права и национального суверенитета: главенство международного права; выработка ключевых решений на коллективной основе; равенство прав всех стран и народов; право на самостоятельный выбор своего развития.

Во-вторых, – это тяжелейшие последствия национальных катастроф XX века, когда наше Отечество дважды пережило распад государственности.

Кризис государственности способствовал формированию и сохранению ряда кливевжей – разломов, ставших основой возникновения противоречий и конфликтов, в том числе конфликта ценностей: разрыв традиций и единства истории, деморализация общества, дефицит взаимного доверия и ответственности. Результат – разрушительный удар по культурному и духовному коду нации.

Важнейшее направление преодоления последствий этого удара определяется следующим образом: ответственность перед самим собой, обществом и законом.

В-третьих, неустойчивость и уязвимость конструкции прежней идеологической монополии, не имеющей будущего в современном мире, и отсутствие национальной идеи, основанной на национальной идентичности.

Необходимы историческое творчество всего общества, вся история нашей Родины без изъятий должна стать частью и фундаментом российской идентичности.

В-четвертых, наличие мирового тренда отрицания нравственных начал, в том числе христианских ценностей, и традиционной идентичности.

Сохранить и укрепить национальную идентичность возможно путем сбережения ценностей, заложенных в христианстве и других мировых религиях; норм нравственности, формировавшихся тысячелетиями; уважением права большинства и права любого меньшинства на отличие.

Анализ типов социального действия и социального поведения граждан России позволяет сделать вывод, что приоритетным в государственной стратегии укрепления национальной идентичности

является формирование ценностно-рационального действия как доминирующего с включением в качестве неотъемлемых составляющих рационального, аффективного и традиционного компонентов действия.

В-пятых, кризис мультикультурализма. Причина кризиса объясняется тем, что это была во многом привнесенная искусственно, сверху внедряемая модель. Но есть реальные пути укрепления национальной идентичности в многонациональной и многоконфессиональной стране. Прежде всего, это поликультурность, полиэтничность в историческом сознании, в духе, в историческом коде народов России, на которых естественным образом последнее тысячелетие строилась отечественная государственность [см.: 28].

Таким образом, стратегическая культура является действенным инструментом воздействия на национальных культуры и идентичности с целью их изменения.

Геополитическими акторами стратегическая культура используется для достижения геополитических целей.

Риски российской идентичности и пути их минимизации осознаются государством.

Список литературы

1. *Бякина В. П., Лукин В. Н., Мусиенко Т. В.* и др. Россия в глобальной политике: учебник для академического бакалавриата / под ред. А.А. Литовченко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – 397 с. – (Бакалавр. Академический курс).
2. *Лукин В. Н., Мусиенко Т. В.* Стратегическая культура как элемент глобальной культуры // Советская культура в контексте глобальной истории: Мат. VI междунар. научн. конф. – Санкт-Петербург, 18–19 ноября 2016 г. / Балт. гос. техн. ун-т. СПб., 2016. – С. 25–27.
3. *Лукин В. Н., Мусиенко Т. В.* Изменение стратегической культуры: подходы и модели, ориентации и нарративы // CREDO NEW. – 2015. – № 3 (83). – С. 197–221.
4. *Милаева О. В., Сиушкин А. Е.* Сравнительный анализ стратегической культуры США и Евросоюза (на материалах стратегий безопасности 2002–2010 гг.) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 3 (23). – С. 19–28.

5. Мусиенко Т. В. Европа и Украина: идентичность как фактор геополитического самоопределения // Ученые записки, том 27: Политические уроки истории и актуальные проблемы современных международных отношений: сб. науч. ст. / редколлегия: С.М. Климов, М.В. Ежов, В.А. Ачкасов, Н.А. Баранов, Б.А. Ширяев. – СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2015. – С. 261 – 268.
6. Нурышев Г. Н. Геокультура России как геополитика справедливости // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2014. – № 1 (5). – С. 21 – 26.
7. Ожиганов Э. Н. Стратегическая культура: понятие и направления исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2012. – № 2. – С.91 – 102.
8. Чижиков Э. Н., Лукин В. Н. Стратегическая культура как элемент геополитики // Геополитика и безопасность. – 2016. – № 2 (34). – С. 41– 47.
9. Комаров М. П., Матвеев В. В. Системная хроника развала СССР и становления новой России (1983-2014 гг.). – СПб.: «Стратегия будущего», 2017. – 423 с.
10. Snyder J.L. The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Operations, R-2154-AF (Santa Monica, CA: Rand, September 1977), P. 8 – 38;
11. Snyder J.L. The Concept of Strategic Culture: Caveat Emptor // Carl G. Jacobsen (ed.) Strategic Power: USA/USSR, London: Macmillan, 1990. P. 3–9;
12. Снайдер Джек. Мифы империи и стратегии гегемонии // Прогнозис. – 2006. – № 4. – С. 118 – 135.
13. Johnson J.L. Strategic Culture: Methodologies for a Research Program // Comparative Strategic Cultures Curriculum: Assessing Strategic Culture as a Methodological Approach to Understanding WMD Decision-Making by States and Non-State Actors. Advanced Systems and Concepts Officer Final Report. 31 October 2006 / Ed. by Jeffrey A. Larsen [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.libreriamilitareares.it/BIBLIOTECA/BIBLIOTECA%20MILITARE%20DIGITALE/I.%20TRATTATI%20MILITARI/USA%20Central%20Poers%20-Comparative-Strategic-Cultures.pdf> (дата обращения 15.11.2017).
14. Gray C.S. Out of the Wilderness: Prime-Time for Strategic Culture. July 2006 // Comparative Strategic Cultures Curriculum: Assessing Strategic Culture as a Methodological Approach to Understanding WMD Decision-Making by States and Non-State Actors. Advanced Systems and Concepts Officer Final Report. 31 October 2006 / Ed. by Jeffrey A. Larsen [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.libreriamilitareares.it/BIBLIOTECA/BIBLIOTECA%20MILITARE%20DIGITALE/I.%20TRATTATI%20MILITARI/USA%20Central%20Poers%20-Comparative-Strategic-Cultures.pdf> (дата обращения 15.11.2017).
15. Freedman L. Transformation of Strategic Affairs // Adelphi Series. The International Institute for Strategic Studies. 31 March 2006. Vol. 2006. № 379 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iiss.org/en/publications/adelphi/by%20year/2006-4d94/the-transformation-of-strategic-affairs-b272> (дата обращения 15.11.2017).
16. Eckstein H. Culturalist Theory of Political Change // American Political Science Review. 1988. Vol. 82, № 3. P. 790 – 803.
17. Wildavsky A. Political Culture and Political Preferences // American Political Science Review. 1988. Vol. 82, № 2. P. 593 – 595.
18. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/420327289> (дата обращения 02.11.2017).
19. National Security Strategy. – Washington D.C.: The White House, February 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf; (дата обращения 02.11.2017).
20. Даллес Аллен, Гелен Рейнхард. Дождать Россию! Как осуществлялась Доктрина. – М.: Алгоритм, 2014. – 272 с.
21. Бжезинский Зб. Стратегический взгляд. Америка и кризис глобальной власти. – М.: АСТ, 2013. – 285 с.
22. Charles A. Kupchan. No One's World: The West, the Rising Rest, and the Coming Global Turn. New York and Oxford: Oxford University Press. 2012. 272 p.
23. Манн С. Реакция на хаос [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/index.php?newsid=175> (дата обращения: 03.11.2017).
24. План Терезы Мэй по поводу брексита: основные пункты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/politic/20170118/238546669.html> (дата обращения 10.11.2017).

25. *Аттали Ж.* Краткая история будущего. – СПб.: Питер, 2014. – 288 с.
26. *Фридман Дж.* Следующие 100 лет: Прогноз событий XXI века. – М.: Эксмо, 2010. – 336.
27. Сергей Лавров прокомментировал митинги в Москве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lentasmi.com/full.php?id=539&SID=marketgid&PID=13612098&AID=53344996&CID=160841&DID=> (дата обращения 01.11.2017).
28. Выступление В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 09.11.2017).

Статья поступила в редакцию 22 ноября 2017 г.